
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

ANTHONY TROLLOPE

*The Small House
at Allington*

ЭНТОНИ ТРОМЛОП

*Дашик
в Одашкитоне*

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4
Т71

*Перевод с английского
журнала «Современникъ», 1863–1864*

Троллоп, Энтони

Т71 Домик в Оллингтоне / Э. Троллоп ; [пер. с англ. журнала «Современникъ», 1863–1864]. — М. : РИПОЛ классик. — 736 с. — (В поисках утраченного времени).

ISBN 978-5-519-63949-1

«Домик в Оллингтоне» — подлинный викторианский роман, написанный Энтони Троллопом, одним из самых читаемых и талантливых английских писателей. Пятое произведение знаменитого цикла «Барсетширские хроники». Роман, в котором сочетаются трезвость, реализм, остроумная сатира, тонкий психологизм и увлекательность сюжета.

История любви молодого мистера Кросби, живущего в стесненных обстоятельствах и мечтающего связать свою судьбу с юной и прекрасной Лили Дель.

На русском языке роман выходил в XIX веке, и спустя сто пятьдесят лет он снова переиздается.

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4**

ISBN 978-5-519-63949-1

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ОЛЛИНГТОНСКИЙ СКВАЙР

Само собою разумеется, что в Оллингтоне был и Большой дом. Иначе, каким же образом мог существовать там Малый дом? Наш рассказ, как и должно ожидать от его названия, ближе всего относится к лицам, которые жили в более скромном из этих двух обиталищ, но, впрочем, он будет иметь тесную связь и с жившими в здании, носившем более громкое название, а потому, мне кажется, необходимо сказать здесь, при самом начале, несколько слов о Большом доме и его владетеле.

Оллингтонские сквайры были сквайрами Оллингтона с тех пор, как сквайры, такие как теперь, сделались впервые известными в Англии. В фамилии Делей скипетр сквайра переходил от отца к сыну, от дяди к племяннику и, в одном случае, от второго кузена ко второму кузену, акры земли оставались неизменными, увеличиваясь в ценности и не уменьшаясь в числе, несмотря на то что они не связывались законом о заповедных имениях и не находились под защитой особенного благоразумия и мудрости. Поместье Деля оллингтонского было смежно с оллингтонским приходом в течение нескольких столетий, и хотя, как я уже сказал, раса сквайров вовсе не обладала особенным благоразумием и, быть может, не руководилась в житейских путях непогрешительными правилами, но все же она так крепко держалась священного закона, что ни один акр имения не был выпущен из рук существовавшего сквайра. Напротив, иногда делались попытки, хотя и бесплодные, увеличить территорию, как это было при Ките Деле, отце Кристофера Деля, который между действующими лицами нашей драмы явится владетельным сквайром Оллингтона. Ста-

рик Кит Дель, женившись на деньгах, откупил заложенные фермы — клочок земли в одном месте, клочок в другом, — много говоря при этих случаях о политическом влиянии партии добрых старых ториев. Но эти фермы и эти клочки земли снова перешли в другие руки, не дождавшись нашего времени. Ничем особенным они не были привязаны к тому или другому владельцу. Когда старик Кит нашелся вынужденным покориться натискам славного 19-го драгунского полка, в котором второй сын его сделал для себя карьеру, он увидел, что гораздо легче продавать, чем покупать; делая это, он был убежден, однако же, что продавал свою собственность, а отнюдь не наследственное достояние Делей. С его кончиною кончился и последний остаток этих покупок. Семейные дела требовали сбережений, а Кристофер Дель требовал наличных денег. Скупленные фермы исчезли, как исчезали и прежде подобного рода новые покупки, старинное же наследственное достояние оставалось по-прежнему неприкосновенным.

Это достояние составляло частицу священных верований Делей, поэтому, видя, что сохранение таких верований оставалось неизменным, и зная, что огонь древних весталок никогда не потухал на очаге, я не смею сказать, что Дели совершали земное свое поприще без высоких правил. Этих верований крепко держались все Дели, и новый наследник, вступив во владение, не понес на себе излишнего бремени, кроме разве того, которое уже тяготило его еще до принятия наследства. И все-таки о передаче имения в чужие руки не было и помину. Идея подобной передачи не согласовалась с особенностями воззрения Делей на вещи. К числу верований Делей принадлежало и то, что хотя каждый сквайр и имел полное право промотать акры Оллингтона, но он должен был воздерживаться от подобного мотовства. Я помню, мне случилось обедать в одном доме, слава и счастье которого, по преданию, зависела от целости одного заповедного бокала. Все гости знали об этом предании. Все знали, что с разбитием стеклянной посуды разбивалось вдребезги счастье целого семейства. Несмотря на то, меня, как и прочих гостей, все-таки заставляли пить из этого рокового бокала. Рыцарский дух хозяина дома не допускал, чтобы его судьба находилась под защитою такого хрупкого замка. То же самое было и

с оллингтонскими Делями. В их понятиях, передача имения в чужие руки была весьма хрупким замком, старинное рыцарство их дома не позволяло им прибегать к защите подобного рода.

Я сказал весьма поверхностно о славе и подвигах этой фамилии, впрочем, слава их не была блистательна, а подвиги не были замечательны. В Оллингтоне оллингтонский Дель постоянно слыл за властелина. В Гествике, соседнем ярмарочном городке, он был великим человеком — человеком, которого по субботам можно было видеть на торговой площади и который постановлял цены на привозный хлеб и пригонный скот, несмотря на то что были люди, которые лучше его знали цену и хлеба, и скота. В Хамершаме, тоже соседнем городке, куда по третям года собирались окружные судьи для производства уголовных следствий, оллингтонский Дель пользовался вообще некоторой репутацией, как постоянный присяжный судья той провинции и как человек, который доблестно шел своей дорогой. Но даже в Хамершаме слава Делей блекла по временам, потому что личности их не всегда выставлялись рельефно в отдаленных пределах маленькой провинции и потому еще, что своим знанием юриспруденции они не заслужили большой известности в большом зале судебных собраний. За пределы Хамершама слава их не распространялась.

Это были люди, выделанные по одному и тому же образцу, каждый из них наследовал от отца те же добродетели и те же пороки, — люди, которые жили точно так же, как жили их отцы, никто из них не был отвлекаем невидимым магнетизмом с того жизненного пути, по которому ползли предшествовавшие Дели, магнетизм этот не в силах был приподнять кого-нибудь из Делей до одного уровня с веком, в котором они жили, он только тянул их вперед по тому же направлению, по которому плелись нога за ногу предки. Это были люди упрямые, слишком много веровавшие в самих себя, надеявшиеся на себя, согласно своим идеям о законности суровые к своим арендаторам, но не считавшиеся суровыми даже со стороны самих арендаторов, потому что правила, которым следовали оллингтонские сквайры, не изменялись с самого начала, деспоты в отношении к своим женам и детям, но деспоты в известных границах, так что ни одна еще мистрис Дель не бежала из-под кровли своего властелина и ни разу

между отцами и сыновьями не было вопиющего скандала, точные в своих понятиях о денежных делах, вполне убежденные, что они должны получать весьма много, а отдавать весьма мало, хотя в то же время и не считались скрягами, потому что были сострадательны к бедствиям ближнего — творили милостыню и приносили лепту в сокровищницы местных благотворительных учреждений. Они были ревностными поборниками церкви, они благосклонно принимали в свой приход таких новых священников, которых от времени до времени назначал Кембриджский университет, пользуясь правом делать назначение по своему усмотрению, так как приход этот служил для него в некотором роде оброчною статьею дохода, несмотря на то Дели, однако же, питали какую-то невыразимую вражду к своему священнику, так что отношения между этими двумя семействами, светским и духовным, редко бывали вполне приятные.

Таковы были оллингтонские Дели со времен незапамятных, таков был бы и Кристофер Дель нашего времени, если бы в молодости не приключилось с ним двух несчастий. Он влюбился в одну леди, которая решительно отказала ему в руке, и вследствие этого он на всю жизнь остался холостым. Второе выпавшее на его долю несчастье относилось до предполагаемого богатства его родителя. При вступлении в наследственные права он вообразил себя богаче всех оллингтонских Делей и, держась этой идеи, питал надежду заседать в парламенте в качестве представителя своей провинции. С целью достичь такой почести, он позволил жителям Хамершама и Гествика осуждать политику своей старой фамилии и объявил себя либералом. Он никогда не записывался в избирательный список и никогда не домогался парламентского места, зато всячески старался показать себя приверженцем либеральной партии, но и эта уловка ему не удалась: все окружавшие знали очень хорошо, что Кристофер Дель в душе своей такой же закоснелый консерватор, как и всякий из его предков, это обстоятельство делало его кислым и молчаливым там, где дело касалось политики, и некоторым образом отчуждало его от собратий, других сквайров.

В других отношениях Кристофер Дель вообще стоял выше среднего уровня всех членов своей фамилии. Полюбив кого-

нибудь однажды, он любил искренно и горячо. С своими врагами хотя и обращался дурно, но не выходил из законов приличия. Он был аккуратен и скуп в небольших денежных расчетах, а в некоторых семейных делах, как мы увидим впоследствии, в нем проявлялась необыкновенная щедрость. Он старался исполнять свой долг сообразно с своим взглядом на вещи и успел отучить себя от различных наклонностей и прихотей, с которыми свыкся в ранние дни своих больших, но несбывшихся ожиданий. В своей безответной любви он был вполне искренен и благороден. Кристофер Дель полюбил женщину, и, когда узнал, что эта женщина не сочувствует его суровой, сухой, безотрадной любви, он не в состоянии был привязаться душой к другому существу. Это обстоятельство случилось как раз в период смерти его отца, и он старался забыть свое горе в вихре политических стремлений, конец которого мы уже видели. Постоянным, прямым и искренним человеком был наш Кристофер Дель, тощим и сухим в своих душевных качествах, далеко не способным оценить прекрасные качества вполне достойного человека, далеко не одаренным силою прозрения всего, что было выше его, но при всем том вполне достойным уважения за путь долга, который он назначил себе и которому старался следовать. Наконец, кроме всего сказанного, мистер Кристофер Дель был джентльмен.

Таков был оллингтонский сквайр, единственный постоянный обитатель Большого дома. По наружности это был обыкновенный, худощавый мужчина, с коротко стриженными волосами и густыми седыми бровями. Бороды у него не было, он носил, впрочем, небольшие бакенбарды, узенькой полоской спускавшиеся от нижних оконечностей его ушей. Его глаза были остры и выразительны, нос — прямой и хорошо сформированный, таков же был и его подбородок. Но благородные черты лица его обезображивались до некоторой степени посредственным ртом с тонкими губами, его высокий и узкий лоб хотя и заставлял вас принимать мистера Деля за идиота, но в то же время не отнимал у вас возможности составить о нем идею как о человеке с большими дарованиями или обширными способностями. Ростом он был около пяти футов десяти дюймов, и в период нашего рассказа ему можно было дать и около шестидесяти, и около восьмиде-

сяти лет. Впрочем, время обходилось с ним весьма благосклонно, в нем обнаруживалось весьма немного признаков старости. Таким был по наружности Кристофер Дель, эсквайр — оллингтонский сквайр, — полный господин трех тысяч фунтов стерлингов годового дохода, получаемых исключительно с его поместья.

Теперь я поговорю о Большом оллингтонском доме. В действительности дом этот был не очень велик, вокруг него не было великолепного парка, который придает особенную грандиозность обиталищам наших зажиточнейших землевладельцев. Впрочем, надо сказать, что дом сам по себе имел некоторую прелесть. Он был построен в дни Стюартов, в том архитектурном стиле, которому мы даем название стиля Тюдоров. На лицевом его фасаде показывались три остроконечные кровли, или три шпиля, в промежутках между кровлями тянулись тонкие, высокие дымовые трубы, так что оконечности их значительно возвышались еще над тремя шпилями, о которых я упомянул. Мне кажется, что красота дома много зависела от этих двух труб, — от них и еще от готических окон, которыми испещрен был лицевой фасад. Парадный вход с выдающимся вперед подъездом, само собою разумеется, ни под каким видом не мог находиться посредине фасада. При входе в главную дверь, направо от вас, красовалось одно окно, налево — три. Над ними тянулась линия пяти окон, из коих одно приходилось прямо над подъездом. Нам всем знакомо прекрасное старинное окно Тюдоров, с его каменной колонкой посредине, с каменными сводами, пересекающими эту колонку ближе к его вершине, чем к основанию. Из всех окон, придуманных архитектурой, едва ли найдется другое более приятное на вид. А здесь, в Оллингтоне, мне кажется, красота их увеличивалась еще и тем, что они не имели однообразной формы. Некоторые окна сравнительно были очень широки, другие вновь узки. К числу первых принадлежали окна нижнего этажа по ту и по другую сторону парадных дверей. Прочие не отличались особенною правильностью — в одном месте широкое окно, в другом — узкое, — но общий вид от этого ничего не терял, напротив, едва ли можно было придумать что-нибудь лучше. Наконец, в трех шпилях находились три подобных отверстия. Они так же разделялись